

Заключительное слово докладчика

Уважаемые коллеги! Прежде всего, хотел бы высказаться по поводу соображения В.М. Межуева. Тот факт, что современная и даже несовременная российская мысль говорит на языке, который не является русским терминологически, концептуально, постоянно используя корни и, соответственно, понятия, взятые из контекстов западноевропейской цивилизации — с латинскими, иногда греческими словами, — заставляет задуматься. Есть два момента, два выхода, чтобы быть менее западными. Либо перестать думать не по-русски, а начать думать и говорить по-русски. Но если я начну это делать, тогда меня не будут никуда приглашать. Хотя восстановление старых языков, старых тезаурусов имеет свою историю успеха. Например, религиозный язык иврит стал языком общения. Конечно, в наших условиях это будет глупо, заговорить на научном симпозиуме на старославянском. Это первый вывод. Отказавшись от существующего и никуда негодного терминологического набора, из полуосмысленных заимствований и калек, следовало бы выработать наш собственный язык. Но что из этого выйдет, трудно представить. Либо пытаться делать точные переводы понятий на русский — это второй вариант. А переводов нет. Как только мы будем их искать, мы не модернизируем русский язык, а просто создадим полную чепуху, потому что мы не сможем передать точное значение слова «цивилизация». Вместо *bourgeois* и *civitas* мы будем говорить «городские горожане», «горожанство». Это проблема очень серьезная.

У меня ответ такой: мне представляется — и это моя личная языковая стратегия в ответ на «западного человека», — что надо использовать западные наработки, концепты и термины в наиболее антизападном значении и заимствуя их из корректно понятого контекста. Такого в западной культуре — огромное количество. Более того, то что мы восприни-

маем оптом как западную культуру, процентов на 70 является антизападным. Что такое Хайдеггер? Что такое Сартр? Один слева, другой справа — не оставляют камня на камне от концепта Запада в его магистральном либеральном измерении; и от Просвещения — тоже. При этом, оба — суперзападные люди. Нам надо создать — и я пытаюсь это сделать — языковую химеру прагматического русско-западного языка, с чутким вниманием к семантике и культурным контекстам (т. е. с обязательной деконструкцией — философской и лингвистической, и для этого необходимо знание иностранных языков и истории философии), где одновременно ставились бы позитивные акценты на том, что в западном понимании является антизападным. И, таким образом, это стало бы переходным моментом к подлинному русскому языку, которого, увы, пока нет. Это объясняет, почему все-таки мы используем западный язык, хотя пытаемся с его помощью отстаивать антизападные смыслы. И это как раз возможно. А вот проникнуть в русские смыслы это не позволяет. И здесь — во второй, позитивной стадии — надо все-таки возвращаться к церковно-славянским и старославянским корням и образам.

Что касается моего атеизма. Здесь я хотел бы пояснить, что я — православный христианин, единоверец, убежденный верующий. Но возможно ли заниматься сравнительной компаративистикой и религиоведением людям верующим? С моей точки зрения, можно. Можно быть христианином и заниматься изложением, к примеру, индийской теологии, вживаясь в тему. Анри Корбен не был мусульманином, но лучшее понимание шиизма, по-моему, трудно найти. Или Мирча Элиаде занимался архаическим культом, будучи православным, практикующим христианином. Мне представляется, что религиоведение все-таки не исключает веры, не несет в себе прямых предпосылок к атеизму. Можно оставаться православным, изучая что-то неправославное, не теряя собственной идентичности, не поступаясь догмами и не становясь на позиции атеизма. Хотя в строго религиозном обществе это, пожалуй,

невозможно. Здесь Вы правы. Но на каких-то извивах истории это становится допустимым. Я посмотрел бы на какого-нибудь специалиста по христианской тринитарной теологии в активно мусульманской среде...

Теперь выводы, которые, может быть, недостаточно четко прозвучали в самом докладе.

Первое, что нам необходимо, это строительство многополярного мира, разработка стратегии и философии многополярности. Если Вы, Вадим Михайлович, считаете, что англосаксы с нами согласятся, — очень хорошо. Тогда мы вместе с ними можем разобрать концепцию многополярности, в чем я очень глубоко сомневаюсь. Максимум, на что были согласны американские исследователи, с которыми мы работали, это многосторонность. Мол, мы будем утверждать свой однополярный мир, с кем-то советуясь. Так мыслит американский политический истеблишмент. Если человек выступает с многополярной позицией в США, он становится чудачком или маргиналом — интересным, ярким, но маргиналом. Многополярность в их сознании категорически несовместима с однополярностью, но для нас это единственная и неизбежная форма. И наша первая задача — разрабатывать стратегию и философию многополярности. Уже есть политические лозунги, есть тезисы, но содержания нет. Нам, как интеллектуальному сообществу, надо развивать, структурировать, работать над созданием философии многополярности.

Второй вывод — осмысление параметров постмодерна, принятие его как технологический и философский вызов. Мне кажется, что это абсолютно непустое занятие. Я поставил бы его одним из приоритетов нашей национальной политики. Понятно, что детей надо воспитывать, а больных — лечить. Но если мы не займемся всерьез мыслью о постмодерне, то некого будет лечить и непонятно будет, чему учить. Ситуация может фундаментально измениться. Те изменения, которые идут сейчас на современном Западе, куда нас втягивают помимо нашей воли, ассимилируя нас как объ-

ект, фундаментальны. Я считаю совершенно необходимым и первоочередным — осмысление параметров постмодерна, его философии, его технологий, потому что не только концепции, но и сами технологии сейчас становятся зараженными, вирулентными, агрессивными. Нам надо думать об этом и давать на это свой, русский ответ. А он весьма далек от того, чтобы быть очевидным, ведь, как правило, мы даже не понимаем, в чем состоит вызов.

Третий вывод — это необходимость укрепления идентичности и самобытности на ценностном уровне. Здесь, мне кажется, чем больше будет версий, в чем состоят наши отличия от других, тем лучше. Работать над укреплением нашей самобытности, нашими ценностями и осмысливать их — это дело всего нашего общества, а не только мое, евразийцев, сотрудников «Центра консервативных исследований» или какой-то еще группы исследователей, интеллектуалов, ученых, общественных деятелей. Это всенародная социально-философская задача.

И четвертое — нам надо сближаться с Европой по интересам, и не поднимать в диалоге с ней тематику ценностей. По крайней мере, пока они сами не спросят нас. Спросят — скажем. Мы обычно так и делали. Отсюда историческая диспропорция. К нам католические миссионеры приходили постоянно, а мы в Европу — практически нет; но, тем не менее, никогда не сдавали своих позиций. Мне кажется, так и надо относиться: у одних ценности активные, у других — созерцательные, как у нас; к нам придут, мы расскажем, но экспортировать, навязывать их — не будем.

И последнее, по поводу причин этого различия. Мне очень понравилась постановка вопроса С.С. Сулакшина — она сама по себе продуктивна. Давайте думать дальше. Если нам трудно прорваться к корням отличия от Запада, значит, на т. е. причины. Есть два принципиальных, хотя и приблизительных ответа.

Первый ответ — с точки зрения теории геополитической, которая утверждает географический детерминизм. Согласно

этой теории, пространство порождает культуры. Все евразийцы — и Гумилев в том числе — стояли на этой позиции, К. Шмитт, Маккиндер, Челлен, Ратцель — так же. Геополитическая дисциплина как таковая объясняет (или довольствуется суррогатом объяснения): *пространство определяет все*. Корень всего в пространстве. Мы такие, потому что наше пространство сухопутное, теллурократическое. Более того, мы находимся в центре всей евразийской Суши, мы — Суша par excellence. Эссенция сухопутности. Мы сухопутно-сухопутные, континенто-континенталисты. Это первое объяснение. Все это подробно описано в моих книгах по геополитике — «Основы геополитики» и «Геополитика постмодерна». Впрочем, я рассказывал об этом в бесчисленном количестве статей, интервью, выступлений и т. д.

Есть второе объяснение — историческое. Можно прибегнуть к метафоре. Есть такое понятие об ангелах народа, которые, по Библии, имеются у каждого народа и которые ведут этот народ согласно определенной логике. Гердер — один из основателей идеи множественности цивилизаций — говорил: «народы — это мысли Бога». Можно сказать, что у русского народа есть свой ангел. Это особое духовное измерение, деликатное и тонкое, которое обретает разные пластические (социальные и политические) формы, и сквозь поколения и ритмы культуры невидимо определяет нашу историю. Когда мы рассмотрим каждый конкретный срез в отрыве от «русского ангела», мы увидим хаос. Покажется, что русская история состоит из огромного количества напластовывающихся друг на друга недоразумений. Но если мы окинем взглядом весь исторический путь, в результате выстраивается логика, черты ангела станут отчетливы. Гегель называл это «хитростью мирового разума». Можно сказать, что это логика ангела.

Хайдеггер очень интересно говорил о чем-то подобном, через историю западноевропейской цивилизации и философии прозревая судьбу бытия. Есть такой «хайдеггерианский» подход к русской истории с выделением в ней особого онто-

логического ядра, осмыслением философской миссии русского народа, вычленением логики русского цикла...

На чем-то подобном построено самосознание еврейского народа, еврейской религии, еврейского мессианства. Довольно трудно объяснить это рационально, научно описать этот «ангелический» или онтологический пласт. Тем не менее, налицо единство общности евреев, налицо логика их национальной истории, налицо их возвращение на землю обетованную как апофеоз рассеяний и скитаний. И это притом, что все евреи разные, вбирают в себя все народы, но, тем не менее, они остаются сами собой. Они удивительным образом решают вопрос идентичности, включая в нее инаковость. Что-то подобное можно заметить и в судьбе русского народа, надо только очень внимательно в нее всматриваться, вдумываться...

И последнее, что я хочу сказать: инициатива такого семинара и тот факт, что в нем принимает участие В.И. Якунин, олицетворяющий власть и государство, мне кажется, указывают на определенную характеристику современного российского социума. Семинары такого рода в Америке не редкость. Там интеллектуальная элита соседствует с правительственными кругами, политическими деятелями, экономическими монополиями. Не так глубоко, не так по-русски, не так интересно, не так живо, но мыслительная работа там не останавливается, потому что американцы уверены: «тот, кто мыслит мир, тот им управляет». Это принцип гносеократии. Тот факт, что — пусть изредка — в России отдельные серьезные влиятельные политические деятели пытаются мыслить мир, означает, что у самой России есть шанс. Шанс управлять, как минимум, самой собой, но, возможно, и простирая свое правление еще дальше. И, наконец, есть серьезный исторический шанс и у этих политических деятелей. Есть он, впрочем, и у тех интеллектуалов, которые, наконец-то, могут отдавать лучшее, что у них есть — мысль, — своей стране. Это шанс России.

С.С. Сулакшин:

Спасибо, Александр Гельевич. Семинар показался очень содержательным и интересным. Я благодарен докладчику за некоторую мотивационную интонацию, ведущую к объединению усилий нашего Центра с Вашим Центром, Вашей школой в разработке неких практических концептов. В частности, идеологии многополярного мира, определения платформы и самосознания того, что мы есть в России и что нас ждет впереди, куда нам нужно идти, каков наш проект, каков наш призыв, какова наша мессианская претензия, адресуя ее к миру? Мы такие задачи перед собой ставим, по мере возможностей к ним подходим, и будем рады, если творческое сотрудничество продолжится.